ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ,

ВОЗЛЮБЛЕННИКЪ И СОДРУЖЕБНИКЪ ЦАРЯ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ЖИЗНЬ НИКОНА, ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО, ЗАТОЧЕНІЕ И КОНЧИНА.

ИЗДАНІЕ 2-Е И. А. МОРОЗОВА.

МОСКВА.
Типо-Лит. Д. А. Бончъ-Бруевича, Кузнецкій мостъ, д. кн. Голицына.
1899.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 3 мая 1899 г.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ГЛАВА I.

Дѣтство Никона. — Юность. — Никонъ священникъ и отшельникъ. — Никонъ митрополитъ. — Избраніе Никона на патріаршій престолъ.

Патріархъ Никонъ, котораго царь Алексѣй Михайловичъ въ письмахъ своихъ къ нему называль „великимъ солнцемъ сіяющимъ“, „избраннымъ крѣпко-стоятельнымъ пастыремъ“, „наставникомъ душъ и тѣлесъ“, „милостивымъ, кроткимъ, милосердымъ“ и, наконецъ, „возлюбленникомъ своимъ и содружебникомъ“ *),—родился въ селѣ Вельмановѣ, Княгининскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, въ маѣ мѣсяцѣ 1605

*) См. письма Алексѣя Михайловича, напечат. въ приложеніи къ „Начертанію житія Никона“, архимандр. Аполлоса.

года. Отецъ его былъ бѣдный крестьянинъ по имени Мина. При св. крещеніи мальчикъ былъ нареченъ Никитою. Мать Никиты вскорѣ умерла и отецъ его женился на другой женѣ. Тогда одна женщина, бабка его, по имени Ксенія, изъ состраданія о сиротствѣ и безпомощности Никиты, взяла его къ себѣ на воспитаніе: у ней онъ и жилъ до отроческихъ лѣтъ. Но когда Никита воротился въ родительскій домъ, то мачиха встрѣтила его сурово и недружелюбно, потому что она ввела въ домъ своихъ дѣтей. Злая женщина преслѣдовала Никиту, на сколько хватало ея злости и даже однажды чуть не сожгла Никиты въ печкѣ, куда онъ спрятался отъ холоду; спасла его та же бабка Ксенія.

Когда Никита подросъ, отецъ его Мина, самъ неграмотный, отдалъ, однакожъ, сына въ ученіе, и юноша въ короткое время сдѣлалъ быстрые успѣхи въ чтеніи и письмѣ славяно-русскаго языка. Книги увлекли Никиту, и ему захотѣлось извѣдать всю мудрость божественнаго Писанія. Съ этой цѣлью Никита рѣшился тайно удалиться изъ родительскаго дома: онъ ушелъ въ монастырь препод. Макарія Желтоводскаго. Здѣсь онъ,

подъ руководствомъ благочестиваго старца Ананія, началъ прилежно упражняться въ церковныхъ и монастырскихъ службахъ и въ особенности въ чтеніи священныхъ книгъ. Ко всѣмъ церковнымъ богослуженіямъ онъ приходилъ до начала, первымъ, и въ лѣтнее время, опасаясь какъ бы не проспать начала утрени, ложился спать у благовѣстнаго колокола. А между тѣмъ ему въ это время было немногимъ болѣе 12-ти лѣтъ.

Сначала отецъ не зналъ, куда дѣвался Никита, но потомъ прослышалъ, гдѣ онъ, и подъ предлогомъ болѣзни вызвалъ его домой. Вскорѣ отецъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ, а вслѣдъ за нимъ и бабка Ксенія. Похоронивъ отца и бабку, Никита снова хотѣлъ воротиться въ монастырь, но родственники уговорили его жениться. Будучи человѣкомъ грамотнымъ и начитаннымъ, онъ началъ искать мѣста, и вскорѣ посвященъ былъ въ приходскіе священники. Ему въ это время было 20 лѣтъ. Черезъ два года о начитанности Никиты узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, познакомились съ нимъ, полюбили его, и перевезли его съ собой въ Москву. Въ Москвѣ Никита прослужилъ 10 лѣтъ.

Тутъ умерли у него дѣти, и онъ окончательно рѣшилъ удалиться въ монастырь. Уговоривъ жену постричься въ Алексѣевскомъ монастырѣ, самъ онъ отправился на Бѣлое море, гдѣ и постригся въ Анзерскомъ скиту подъ именемъ Никона, имѣя отъ роду 30 лѣтъ.

Въ Анзерскомъ скиту Никонъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ, не поладивъ съ Елеазаромъ, настоятелемъ Анзерскаго скита, перешелъ въ Кожеезерскую пустынь, находящуюся на островѣ Кожѣ, Новгородской епархіи, Каргопольскаго уѣзда. Спустя нѣкоторое время, по кончинѣ тамошняго игумена, братія пригласила Никона быть игуменемъ. Въ самое короткое время слава о немъ пошла далеко, и достигла даже Москвы, въ которой въ это время умѣли цѣнить умныхъ пастырей. Черезъ три года по игуменствѣ, въ 1646 году, по монастырскимъ дѣламъ, Никонъ прибылъ въ Москву, и тутъ молодой царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ на него особенное вниманіе. Никонъ остался въ Москвѣ и вскорѣ, по царскому желанію, былъ посвященъ въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря, при чемъ царь часто ѣзжалъ къ

нему, совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, а по пятницамъ Никонъ являлся во дворецъ для духовной бесѣды. Кромѣ того, царь поручилъ Никону принимать просьбы отъ всѣхъ тѣхъ, кто искалъ царскаго милосердія и управы на неправду судей.

Новоспасскимъ архимандритомъ Никонъ пробылъ три года. Въ 1648 году, по желанію царя, іерусалимскій патріархъ Паисій, рукоположилъ Никона въ санъ новгородскаго митрополита. Въ Новгородѣ Никонъ проявилъ обширную общественную дѣятельность, въ особенности дѣятельность эта была дорога для царя при усмиреніи бунтовъ во Псковѣ и въ Новгородѣ, при чемъ Никонъ и пострадалъ отъ бунтовщиковъ.

Послѣ этихъ бунтовъ Никонъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ царь принялъ его, какъ лучшаго своего друга и совѣтника, говоря, чтобы онъ, Никонъ, и впредь не оставлялъ его своими совѣтами. Въ это время въ Саввинскомъ Звенигородскомъ монастырѣ назначено было торжественное открытіе мощей препод. Саввы. Государь пожелалъ, чтобы Никонъ непремѣнно участвовалъ въ этомъ торжествѣ

вмѣстѣ съ патріархомъ Іосифомъ. Открытіе мощей совершено было 19-го января 1652 года.

Пользуясь благоволѣніемъ царя и этимъ случаемъ, Никонъ уговорилъ государя перенести въ Успенскій соборъ гробъ патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря, гробъ патріарха Іова изъ Старицкаго монастыря и мощи святителя Филиппа, митрополита московскаго, изъ Соловокъ. Царь на все это согласился. По перенесеніи мощей Іова и Гермогена въ Успенскій соборъ 5 апрѣля 1652 года, Никонъ отправился въ Соловки за мощами св. Филиппа.

Во время отсутствія Никона, въ Москвѣ умеръ патріархъ Іосифъ. Царь, въ письмѣ къ Никону, описавъ подробности смерти и погребенія патріарха, просилъ его поспѣшить возвращеніемъ въ Москву. Письма царя къ Никону, относящіяся къ этому времени, дышатъ безграничнымъ довѣріемъ къ умному пастырю и видно, что царь считалъ за радость подчинить свою царскую волю его волѣ. Однакожъ, съ этого именно времени Никонъ начинаетъ наживать себѣ сильныхъ враговъ среди окружающихъ царя бояръ.

9-го іюля 1652 года мощи св. Филиппа были привезены въ Москву и были встрѣчены съ подобающимъ торжествомъ. По окончаніи торжества перенесенія мощей, было приступлено къ избранію новаго патріарха. Всѣмъ было извѣстно, что патріархомъ будетъ Никонъ, хотя многимъ изъ бояръ совсѣмъ не хотѣлось видить его на патріаршемъ престолѣ. Однако, для соблюденія устава, на сборъ выбрали двухъ кандидатовъ на патріаршество: Никона и іеромонаха Антонія, который нѣкогда былъ учителемъ Никона въ Макарьевскомъ монастырѣ. Жребій палъ на Антонія, но онъ, будучи больнымъ и дряхлымъ, отъ патріаршества рѣшительно отказался. Тогда всѣ члены собора стали просить Никона принять жезлъ патріаршій. Никонъ, послѣ долгаго и твердаго отказыванія, уступилъ просьбамъ наконецъ, но болѣе просьбамъ самого царя, чѣмъ собора и народа, и принялъ санъ патріаршій, но предварительно взялъ ото всѣхъ торжественное обѣщаніе, что всѣ будутъ содержать евангельскіе догматы, соблюдать правила св. апостоловъ и св. отецъ, будутъ слушать его, какъ главнаго архипастыря и отца, и дадутъ ему устроить церковь. Всѣ поклялись въ этомъ, и черезъ

два дня послѣ избранія, 25 іюля 1662 г., Никонъ былъ посвященъ въ патріархи въ Успенскомъ соборѣ казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ.

ГЛАВА II.

Никонъ-патріархъ. — Исправленіе церковно богослужебныхъ книгъ. — Оставленіе Никономъ патріаршества.

По давнему церковному благочестивому обычаю, первымъ дѣломъ патріарха Никона было основаніе близъ Валдайскаго озера монастыря въ честь Иверской иконы Божіей Матери, находящейся на Аѳонѣ, къ которой Никонъ всегда чувствовалъ особое благоговѣніе, и еще въ 1648 г., когда онъ только что былъ поставленъ новгородскимъ митрополитомъ, Москва была обязана его стараніямъ тѣмъ, что присланъ былъ въ нее списокъ съ Иверской иконы Божіей Матери.

Никона-патріарха царь полюбилъ еще болѣе прежняго. Религіозному и благочестивому царю

очень нравилось, что Никонъ исправилъ много церковныхъ нестроеній и безпорядковъ, ввелъ благообразіе въ богослуженіяхъ, а патріаршее богослуженіе совершалъ съ необычайнымъ благолѣпіемъ и торжественностью. Сверхъ того, неутомимый патріархъ издавалъ различные церковные и духовные уставы, искоренялъ предразсудки и суевѣрія въ народѣ, усердно изыскивалъ и умножалъ способы для распространенія духовнаго просвѣщенія, составлялъ и издавалъ различныя душеполезныя книги, занимался переводами и составилъ сводъ древнихъ русскихъ лѣтописей, который извѣстенъ подъ именемъ Никоновской лѣтописи. Но самымъ главнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ всей жизни и дѣятельности великаго патріарха было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Объ этомъ исправленіи думали еще при патріархѣ Іосифѣ, и съ этою цѣлью въ 1649 году былъ посланъ на Востокъ за свѣдѣніями троицкій келарь Арсеній Сухановъ, который и привезъ оттуда болѣе 500 рукописей; по нимъ впослѣдствіи и исправлены церковно-богослужебныя книги. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ, само собою разумѣется, долженъ былъ обратить особенное вниманіе на это заторможенное дѣло. Взялся за это

дѣло онъ, однакожъ, съ осторожностью и благоразумiемъ. Около двухъ лѣтъ медлилъ онъ приступать къ этому трудному дѣлу, позволяя даже печатать книги въ прежнемъ, неисправленномъ видѣ. Когда же рѣшился, наконецъ, приступить къ полному исправленiю ихъ, то началъ дѣйствовать быстро, рѣшительно и, самое главное, честно и открыто. Были созваны соборы. На нихъ Никонъ задавалъ вопросы по нѣкоторымъ неправильностямъ. Спрашивалъ: „Какъ слѣдуетъ креститься?“ Патрiархи отвѣчали: „тремя пальцами, въ Грецiи испоконъвѣку всѣ такъ крестятся“. Потомъ Никонъ сказалъ справщикамъ богослужебныхъ книгъ, какiя ошибки есть въ напечатанныхъ при Iосифѣ книгахъ. А справщики эти не знали греческаго языка, съ котораго переведены церковныя книги на славянскiй языкъ: они поправляли книги по славянскимъ спискамъ, а самыхъ правильныхъ, старыхъ списковъ и въ руки не брали, потому они съ ошибками и напечатали. Затѣмъ Никонъ на соборѣ спросилъ у архiереевъ: „Какъ вы теперь разсудите: служить ли намъ по тѣмъ книгамъ, что справщики напечатали, или служить такъ, какъ въ греческихъ и въ нашихъ старыхъ славянскихъ книгахъ написано?“ Всѣ, кромѣ

справщиковъ, отвѣчали: „Слѣдуетъ служить такъ, какъ въ греческихъ и нашихъ старыхъ славянскихъ книгахъ написано". Тогда Никонъ прогналъ старыхъ справщиковъ съ Печатнаго Двора и велѣлъ новымъ ученымъ справщикамъ поправлять богослужебныя книги, печатать ихъ, разсылать по всѣмъ церквамъ, а старыя непоправленныя у всѣхъ отбирать *).

Этими старыми справщиками были: царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ. протопопъ Казанскаго собора Иванъ Нероновъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ, Юрьевскій протопопъ Аввакумъ, Муромскій Логгинъ, попы Лазарь, Никита, Даніилъ. Все это были люди, правда, религіозные, но, какъ уже сказано выше, не знали самаго главнаго—греческаго языка. Не удивительно, что они исправляли книги по собственному мудрованію и притомъ, полагаясь на свою начитанность, думали, что исполнили свое дѣло въ совершенствѣ. Исправленія Никона показались имъ кровной обидой, и они кричали ему въ глаза: „Наши книги

*) Чтобы начать разсылать исправленныя книги, Никонъ въ апрѣлѣ 1656 года созвалъ новый соборъ для разсмотрѣнія этихъ книгъ. Соборъ одобрилъ представленныя ему книги и велѣлъ вводить ихъ по всѣмъ церквамъ вмѣсто старыхъ, наполненныхъ ошибками.

самыя истинныя, а твои еретическія, латинскія книги!“ Лишенные хорошаго мѣста, обозленные, эти справщики разбрелись по разнымъ городамъ, и начали всюду сѣять смуту, говоря: „Никонъ—антихристъ, въ латинскую вѣру перешелъ, а отъ старой вѣры отрекся! Онъ хочетъ разрушить старое благочестіе и гонитъ истинныхъ христіанъ. Порадѣйте, православные, о старой вѣрѣ, не ходите въ церковь, гдѣ по новому служатъ. Это не церкви, и таинства тамъ не таинства. Никонъ пишетъ *Іисусъ*, а въ старой вѣрѣ писали *Ісусъ*, Никонъ пишетъ въ *Вѣрую „рожденна, не сотворенна“*, а въ старой вѣрѣ писали *„рожденна, а не сотворенна“*; еще въ *Вѣрую* же въ старыхъ книгахъ писали во *единую* соборную и апостольскую церковь, а въ новыхъ книгахъ написано во *едину*. Православнымъ должно умирать за едину букву *азъ“*. Волновалось и духовенство, въ то время невѣжественное, грубое, нерѣдко безграмотное до того, что не знало молитвъ. Конечно, это относится не ко всему духовенству того времени, а къ духовенству болѣе глухихъ мѣстъ Россіи. Народъ, въ свою очередь, разсуждалъ, вѣря смутникамъ: „Что старо,—то свято! Все одно, какъ ни молись—была бы у тебя въ

сердцѣ молитва. А другой и по старому молитву слушаетъ, да на двѣ души кушаетъ; по старому спасается, а кусается".

Смута росла. Открылись мятежи, явились фанатичные, озлобленные отщепенцы отъ православной церкви, мнимые ревнители старины. Противъ такого опаснаго волненія, охватившаго почти всю Россію, грознаго и для церкви, и для государства, должны были быть предприняты немедленно же мѣры крутыя и рѣшительныя. Мѣры эти и были приняты. По грубости времени, онѣ были тверды и жестоки; въ чемъ, однако же, Никона обвинять почти нельзя. На сколько возможно, онъ увѣщевалъ, вразумлялъ смутниковъ, но на его кроткія, исполненныя достоинства, увѣщанія, они отвѣчали дерзкими ругательствами. Таковы были протопопы Аввакумъ и Логгинъ. Надо замѣтить еще и то, что во всѣхъ суровыхъ гоненіяхъ, постигшихъ расколоучителей, дѣйствовала не одна духовная, но еще болѣе гражданская, правительственная власть, которая позже, въ 1666 и 1667 годахъ, дѣйствовала еще суровѣе; а тогда Никонъ былъ уже отрѣшенъ отъ патріаршества и не имѣлъ никакой власти.

Не взирая на то, что Никонъ своими распорядками, безграничной властью и суровостью нажилъ себѣ много враговъ, но царь всетаки любилъ его и ничего не дѣлалъ безъ его совѣта. Царь чувствовалъ къ патріарху сердечное влеченіе и даже какое-то благоговѣніе. Вліяніе Никона на государя было такъ громадно, что сдѣлалось извѣстнымъ и въ чужихъ странахъ; поэтому у Никона заискивали, у него искали пріема иностранные послы, къ нему обращались съ переговорами о политическихъ дѣлахъ. Такъ, гетманъ Малороссіи Богданъ Хмѣльницкій, желая подчиниться Московскому Царю, обратился къ Никону съ просьбою быть ходатаемъ по этому дѣлу предъ царемъ. Дѣло это угрожало войною съ Польшею. Царь избѣгалъ войны; но Никонъ уговорилъ царя принять Малороссію подъ свою крѣпкую руку, а Польшѣ объявить войну. Война эта окончилась для Россіи блистательно, и Малороссія была присоединена къ Россіи.

Уѣзжая на эту войну (1654 г.), царь довѣрилъ патріарху, какъ своему другу, свое семейство и поручилъ ему все управленіе государствомъ. Въ это время открылась въ Москвѣ моровая язва, и тутъ Никонъ проявилъ

особенно энергичную дѣятельность. Благодаря ему, царская семья, отправленная въ Вязьму, была сохранена отъ повѣтрія. Когда повѣтріе прекратилось и царь возвратился изъ похода, то онъ въ благодарность почтилъ Никона титуломъ „великаго государя“, который раньше имѣлъ только патріархъ Филаретъ, и то не какъ патріархъ, а какъ отецъ царя Михаила Ѳеодоровича. Никонъ замѣтно загордился новымъ титуломъ, и уже дѣйствительно его власти не было предѣла. Число враговъ стало увеличиваться, на него стали роптать повсюду. У царя, во время новаго отъѣзда на войну со шведами, нашлись новые друзья. Эти друзья говорили царю: „Не хорошо, что патріархъ отнялъ у тебя всю власть,—не святительское это дѣло. Отъ этого только въ церкви упущеніе. Что-нибудь одно: либо быть патріархомъ и церковь устраивать, либо править царствомъ“. Царь ничего на это не отвѣчалъ новымъ друзьямъ; но когда вернулся въ Москву, то сталъ рѣже совѣтоваться съ Никономъ и чаще сталъ слушать наговоры бояръ на него. Царица тоже перестала любить Никона за его гордость. Тутъ духовенство подало на Никона прошеніе: „Мы въ конечное пришли разореніе отъ патріаршихъ приказ-

ныхъ *)—берутъ съ живого и съ мертваго. Особливо патріаршій дьякъ Кошиловъ—къ владыкѣ никого безъ взятки не пропуститъ, бѣдный ли, богатый ли—со всѣхъ беретъ. Патріархъ совсѣмъ загордился, къ нему и въ сѣни теперь трудно пробраться,—стой на морозѣ на дворѣ, да жди его тамъ, покуда позоветъ. Иной попъ ждетъ-ждетъ до самой ночи, да такъ и пропадетъ. А прежніе патріархи на дворѣ насъ не держали, къ себѣ допускали милостиво. Никону же словно и дѣла до насъ нѣтъ. Возлюбилъ онъ стоять высоко, да ѣздить широко. Не за святительскія дѣла взялся—сталъ строить вмѣсто креста топорки, тебѣ на помощь, на военныя потребы".

Во всемъ этомъ было много правды. Денегъ на патріаршія потребности требовалось много. Строились два монастыря: Крестный (на островѣ Кіѣ предъ Онежскимъ устьемъ) и Воскресенскій (Новый Іерусалимъ). Кромѣ того, Никонъ снаряжалъ на свой коштъ для царя 10 тысячъ ратниковъ. Царь и самъ видѣлъ, что въ жалобѣ духовенства есть правда, но высказать свою досаду Никону не рѣшался;

*) У Никона были свои бояре, но ниже царскихъ.

онъ просто сталъ удаляться отъ Никона. Никонъ это замѣтилъ, но продолжалъ вести себя попрежнему. Замѣтивъ охлажденіе царя къ Никону, бояре стали дѣлать ему всякія обиды и день изо дня нашептывать царю о его неблаговидныхъ поступкахъ: всякое слово Никона перетолковывалось въ дурную сторону, всякая его заслуга церкви и государству обращалась ему въ вину. Два случая окончательно разъединили прежнихъ друзей.

Въ Москву пріѣхалъ съ Кавказа грузинскій царевичъ Теймуразъ, и поэтому поводу во дворцѣ 4-го іюля 1658 года былъ большой обѣдъ. На этотъ обѣдъ Никонъ не былъ приглашенъ, разсердился и послалъ своего боярина узнать, что дѣлается на пиру. Окольничій Хитрово, расчищавшій въ толпѣ путь для царевича, ударилъ по головѣ палкою патріаршаго боярина. Бояринъ не смолчалъ, сказалъ Хитрово, чтобы не смѣлъ драться, что онъ патріаршій человѣкъ и здѣсь не даромъ, а присланъ за дѣломъ отъ патріарха. „Не чванься!“ закричалъ въ отвѣтъ Хитрово и снова ударилъ боярина палкой по лбу. Это было уже сознательное и намѣренное оскорбленіе патріарха въ лицѣ его боярина. Именно

такъ и понялъ это дѣло Никонъ. Онъ написалъ царю письмо и требовалъ, чтобы царь наказалъ обидчика. Царь отвѣчалъ: „Я самъ увижусь съ тобою и переговорю объ этомъ дѣлѣ“. Но царь съ Никономъ не видѣлся.

Наступило 8 іюля—праздникъ Казанской иконы Божіей Матери. Въ этотъ день всегда происходило въ Казанскомъ соборѣ торжественное патріаршее служеніе, на которомъ царь обыкновенно присутствовалъ и участвовалъ въ крестномъ ходѣ. Но ни наканунѣ за вечерней, ни въ самый день праздника царя въ соборѣ не было. Никону стало ясно, что царь недоволенъ имъ. 10-го іюля наступилъ еще болѣе торжественный праздникъ, установленный недавно въ память принесенія изъ Персіи въ Москву Ризы Господней. Въ этотъ праздникъ царь всегда слушалъ вечерню, утреню и обѣдню въ Успенскомъ соборѣ. Никонъ посылалъ къ царю передъ вечернею, а потомъ и передъ заутренею. Царь не пришелъ и послалъ къ Никону своего спальника, князя Ромодановскаго, который сказалъ патріарху: „Царь будетъ у обѣдни. Онъ на тебя гнѣвается и не велитъ тебѣ называться великимъ государ-

ремъ". Самолюбіе Никона было уязвлено до крайности. Онъ рѣшился отречься отъ патріаршества, о чемъ и сообщилъ хорошо расположеннымъ къ нему людямъ—дьяку Каликину и боярину Никитѣ Зюзину. Тѣ отговаривали Никона отъ задуманнаго поступка, но онъ не согласился съ ними, воскликнувъ; „Нѣтъ, не смирюсь!"

Пошелъ Никонъ въ Успенскій соборъ, отслужилъ обѣдню, смотритъ—не пришелъ ли царь. Но царя нѣтъ. Пропѣли „Буди имя Господне". Народъ столпился у амвона слушать поученіе. Патріархъ началъ. Сперва онъ сталъ читать слово Златоуста о высокомъ назначеніи пастырскаго служенія и о томъ, какое зло бываетъ для церкви, когда пастырь не искусенъ пасти стадо, потомъ вдругъ обратился къ народу и заговорилъ: „Лѣнивъ я былъ учить васъ. Отъ лѣни я окоростовѣлъ, а вы, видя мое къ вамъ неученье, отъ меня ужъ окоростовѣли, и стали меня еретикомъ называть. Все это Богъ за грѣхи мои дѣлаетъ! Такъ не буду же я вамъ больше патріархъ!" Отъ такой неожиданной рѣчи въ церкви поднялся шумъ. А Никонъ сталъ разоблачаться. Принесли мѣ-

шокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, но толпа отняла мѣшокъ. Никонъ въ одномъ подризникѣ ушелъ къ ризницу и написалъ письмо къ государю: „Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ“. Когда царю донесли обо всемъ случившемся, царь послалъ двухъ бояръ къ Никону сказать ему, что никакого гнѣва противъ него у государя нѣтъ и государь проситъ его оставаться по прежному патріархомъ. Посланные передали все въ грубой формѣ, нарочно дразнили и раздражали Никона, и дѣло окончилось тѣмъ, что Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на повдорье Воскресенскаго монастыря. На подворьѣ Никонъ прожилъ около трехъ дней, и все ждалъ—не пришлетъ ли за нимъ царь. А царь выжидалъ не покорится ли Никонъ. Никонъ не покорился и уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь.

ГЛАВА III.

Жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ.—Пріѣздъ Никона въ Москву.

Отъѣздъ Никона въ Воскресенскій монастырь окончательно рѣшилъ его дальнѣйшую участь. Ясно стало, что примиреніе его съ царемъ не состоится, да если бы и могло состояться, то до этого примиренія не допустили бы восторжествовавшіе враги Никона. Проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ, Никонъ, по наружности, какъ будто и думать забылъ о патріаршествѣ, и все свое вниманіе, всю свою дѣятельность обратилъ на устройство и украшеніе любимаго своего дѣтища—Новаго Іерусалима. Между тѣмъ, враги его въ Москвѣ не дремали, и дѣлали свое подлое дѣло; они воротили изъ ссылокъ даже нѣкоторыхъ враговъ Никона, и про-

должали ему досаждать и въ его уединеніи. Устроили, между прочимъ, такъ, что отъ Воскресенскаго монастыря отрѣзали часть земли и отдали ее дворянину Бобарыкину. Никонъ подалъ въ судъ на Бобарыкина, но судъ враги Никона завѣдомо замедляли. Никонъ понялъ, что его дурачатъ, и, не найдя ничего лучшаго, проклялъ Бобарыкина. На проклятіи Никонъ не называлъ ничьего имени, а просто читалъ: „да будутъ дни его мали, да будутъ сынови его сиры и жена его вдова“. Бобарыкинъ донесъ царю: „Никонъ проклялъ тебя, великій государь, и жену твою, и дѣтей“. Въ это время въ Москву пріѣхалъ греческій архіерей Паисій. Царь велѣлъ ему, духовенству и боярамъ ѣхать къ Никону и узнать, какъ было это дѣло. Посланные при свиданіи съ Никономъ, завѣдомо обозлили его, и Никонъ вспылялъ и сталъ браниться. „Вы пришли на меня, какъ жиды на Христа!“ вскричалъ онъ. „Дайте мнѣ только собора дождаться: я великаго государя отсчту отъ христіанства. У меня ужъ и грамота заготовлена“. Обо всемъ этомъ было донесено царю. Царь обидѣлся, тѣмъ болѣе, что и передъ этимъ случаемъ, царскому посланному Башмакову Никонъ гово-

рилъ: „Я оставилъ святительскій престолъ на Москвѣ своею волею, московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду; но патріаршества я не оставлялъ, и благодать Св. Духа отъ меня не отнята". Затѣмъ Никонъ, раньше же, написалъ рѣзкое письмо царю относительно шествія на ослятѣ Крутицкаго митрополита, приписывая это право единственно одному себѣ, какъ патріарху. Тогда это смутило, какъ враговъ Никона, такъ и самого царя. Рѣшено было, во избѣжаніе вмѣшательствъ Никона, отправить его куда-нибудь подалѣе. Подъ предлогомъ небезопасности отъ имени царя предложили переѣхать въ крѣпкій монастырь Макарія Колязинскаго. Послѣ этого, съ царскаго разрѣшенія, Никонъ пріѣзжалъ въ Москву, видѣлся съ царемъ, получилъ подарки, но, видимо, примиренія не произошло,—и онъ отправился сперва въ свой Иверскій Монастырь, а потомъ въ Крестный, на Бѣлое море. Въ это отсутствіе Никона враги его окончательно восторжествовали, и злобно радовались: низверженіе Никона стало неизбѣжнымъ, хотя онъ вскорѣ и возвратился въ Воскресенскій монастырь.

Судъ съ дворяниномъ Романомъ Бобары-

кинымъ и извѣтъ его на Никона относительно будто бы проклятія царя,—ускорилъ дѣло полнаго низверженія бывшаго патріарха.

Тяжкій извѣтъ Бобарыкана не только глубоко обидѣлъ царя, но даже привелъ его въ ужасъ. Набожный царь собралъ къ себѣ архіереевъ, плакалъ и говорилъ: „Пусть я грѣшенъ; но чѣмъ виновата жена моя и любезныя дѣти мои, и весь дворъ мой, чтобы подвергнуться такой клятвѣ истребленія“.

Тутъ хитрый Паисій Лигаридъ подвернулся со своимъ совѣтомъ. Онъ посовѣтовалъ царю написать грамоты къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ, прописать въ нихъ все объ Никонѣ и ждать отъ нихъ отвѣта. Царь такъ и сдѣлалъ. Въ грамотахъ онъ спрашивалъ у патріарховъ: „чья власть выше—царская, или патріаршая, и могутъ ли митрополиты и бояре судить патріарха?“ Патріархи отвѣчали: „царская власть выше патріаршей и виноватаго патріарха могутъ судить бояре и митрополиты, а царя судитъ только Богъ“. Но подписи патріарховъ были поддѣланы. Іерусалимскій же патріархъ Некторій въ своей грамотѣ къ царю, въ мартѣ 1664 г., увѣ-

щевалъ царя призвать снова Никона на патріаршій престолъ и совѣтовалъ не преклонять ухо къ нашептываніямъ людей завистливыхъ. На этотъ совѣтъ іерусалимскаго патріарха почему-то не было обращено вниманія. Видимо, что царь рѣшилъ продолжать дѣло къ осужденію и низверженію Никона. Рѣшено было просить трехъ патріарховъ, кромѣ Константинопольскаго, прибыть въ Москву на соборъ для рѣшенія дѣла московскаго патріарха, а буде нельзя пріѣхать имъ всѣмъ, настаивать, чтобы, по крайней мѣрѣ, пріѣхали двое. Узнавъ о посылкѣ за патріархами, Никонъ, желая примиренія съ царемъ, написалъ къ нему въ этомъ духѣ письмо, въ которомъ, однакожъ, не унижался и не заискивалъ. На письмо Никона отвѣта не послѣдовало. Но въ совѣтъ съ ближайшими боярами, Матвѣевымъ и Нащекинымъ, царь довольно прозрачно высказывался, что все это дѣло враговъ Никона, что самъ онъ и теперь не прочь помириться съ патріархомъ, но что самому ему, царю, неудобно и неловко передъ другими звать Никона въ Москву, а пусть бы патріархъ самъ сдѣлалъ первый рѣшительный шагъ въ этомъ дѣлѣ. Объ этомъ немедленно сообщилъ Никону доброжелатель

его Зюзинъ, совѣтуя пріѣхать въ Москву и итти прямо въ Успенскій соборъ. Никонъ отвѣтилъ, что безъ государева указа ему ѣхать нельзя. Зюзинъ написалъ Никону другое письмо, въ которомъ увѣрялъ, что когда онъ, Никонъ, пріѣдетъ въ Москву, войдетъ въ соборъ, пошлетъ царю о томъ извѣстіе, то царь придетъ и помирится.

Никонъ послушался, и неожиданно явился въ Успенскій соборъ за недѣлю до Рождества въ 1664 году. Митрополитъ Іона служилъ утреню. Въ соборѣ сдѣлался переполохъ. Іона, подумавъ, что Никонъ явился по государеву указу, подошелъ подъ благословеніе къ Никону, а за нимъ подошли и всѣ духовные. Никонъ благословилъ всѣхъ и сказалъ Іонѣ: „Поди, доложи великому государю о моемъ приходѣ“. Когда царю доложено было о неожиданномъ пріѣздѣ патріарха, то царь собралъ бояръ и архіереевъ и спрашивалъ: „что дѣлать?..“ Всѣ были противъ Никона, и царь приказалъ сказать Никону, чтобъ онъ ѣхалъ назадъ въ Воскресенскій монастырь. Никонъ уѣхалъ, недоумѣвая, какъ могли его такъ безтолково обмануть друзья. Но на дорогѣ Никона остановили, требуя отъ

него посоха св. Петра, который онъ взялъ изъ Успенскаго собора, и узнать, по чьей вѣсти онъ пріѣзжалъ въ Москву. Домъ, гдѣ остановился Никонъ въ селѣ Черневѣ, окружили солдатами. Никонъ два дня не говорилъ, кто прислалъ его въ Москву и не отдавалъ посоха, наконецъ—отдалъ посохъ и письмо Зюзина, Зюзина привели къ допросу. Онъ указывалъ на соумышленіе съ Нащекинымъ и Матвѣевымъ, но тѣ оба заперлись. Зюзинъ и подъ страшными пытками не отказался отъ своего показанія. Его приговорили къ смертной казни, но царь замѣнилъ казнь ссылкою въ Казань. Тутъ Никонъ понялъ окончательно, что ни царь ни его враги не пойдутъ ни на какія уступки и соглашенія съ нимъ, что не удаленія его ищутъ, а совершеннаго низверженія и посрамленія и что судъ патріарховъ надъ нимъ непремѣнно состоится. Въ виду этого, онъ рѣшился на послѣднее средство, которое оставалось въ его рукахъ. Онъ написалъ Константинопольскому патріарху письмо, въ которомъ подробно изложилъ свое дѣло, но, раздраженный, оскорбленный, униженный, онъ въ немъ оскорблялъ царя, бояръ и духовенство. Но такъ-какъ за Никономъ и за всѣми его по-

ступками строго слѣдили, то письмо было перехвачено и доставлено царю. Письмо это уже разъ навсегда вооружило противъ Никона царя Алексѣя Михайловича и ускорила печальную развязку Никонова дѣла.

ГЛАВА IV.

Судъ надъ Никономъ. — Ссылка его въ Ѳерапонтовскую обитель.

Изъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ только двое: Антіохійскій Макарій и Александрійскій Паисій пріѣхали въ Москву; а Константинопольскій и Іерусалимскій дали имъ свои полномочія. Патріарховъ встрѣтили съ большою торжественностію и поднесли имъ богатые подарки. Патріархи тотчасъ же занялись изслѣдованіемъ дѣла, которое имъ предстояло рѣшить. Паисій Лигаридъ назначенъ былъ докладчикомъ, онъ же составилъ и обвинительную записку, весьма нелѣпую и во всѣхъ отношеніяхъ лживую и полную клеветы. Никона хотѣли осудить за глаза; но для того, чтобы дать осужденію Никона видъ правильнаго суда, рѣшено было большинствомъ го-

лосовъ вызвать Никона для законнаго оправданія. Никонъ былъ вызванъ изъ Воскресенска. Въ Москвѣ домъ, гдѣ онъ остановился, окружили солдатами, а предъ тѣмъ Никольскія ворота, въ которыя онъ въѣхалъ, заперли. На другой день, рано утромъ, прислали звать его на соборъ. Соборъ приказалъ, чтобы Никонъ шелъ безъ креста; но Никонъ настоялъ на своемъ и явился на соборъ съ крестомъ. Соборъ, кромѣ патріарховъ, состоялъ изъ русскихъ митрополитовъ, болѣе пятидесяти архіереевъ, игуменовъ и прочихъ духовныхъ лицъ. Тутъ присутствовалъ и весь царскій синклитъ. Вообще, соборъ былъ обставленъ весьма торжественно.

Когда Никонъ вошелъ на соборъ съ крестомъ, всѣ встали. Никонъ прочелъ молитву за царя, который тоже всталъ, за патріарховъ и за всѣхъ христіанъ. Потомъ поклонился до земли царю три раза, а патріархамъ два раза. Патріархи предложили Никону сѣсть по правую сторону близъ государева мѣста. Никонъ оглянулся и увидѣлъ, что его приглашаютъ садиться на одной лавкѣ съ другими архіереями, что особаго мѣста, какъ другимъ патріархамъ, ему не приготовлено,

„Благочестивый царь,— сказалъ онъ,—я не принесъ съ собою мѣста; буду говорить стоя". Нѣкоторое время длилось молчаніе. Самъ Никонъ прервалъ его. „Для чего,—спросилъ онъ,—вселенскіе патріархи призвали меня на это собраніе?" Всталъ царь, подошелъ къ патріархамъ и сказалъ: „святѣйшіе патріархи! судите меня съ этимъ человѣкомъ. Былъ онъ намъ прежде истинный пастырь, пасъ насъ по всей Божьей правдѣ, а послѣ вдругъ оставилъ престолъ, и восемь лѣтъ оставалась церковь безъ пастыря и бѣдствовала". Патріархи черезъ переводчика спросили Никона: „Зачѣмъ ты оставилъ патріаршій престолъ?"— „Я ушелъ отъ государева гнѣва,—отвѣчалъ Никонъ, — и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали же: св. Аѳанасій Александрійскій, Григорій Богословъ."

Тутъ Никонъ разсказалъ, какъ было дѣло съ обидой его боярина. Царь замѣтилъ, что ему некогда было разбирать жалобу патріарха, потому что у него обѣдалъ грузинскій царевичъ. Затѣмъ слѣдовало обвиненіе о словахъ „великій государь" и „бывшій патріархъ". Всѣ старались вклеить свое слово, чтобы уязвить Никона, Никонъ на все давалъ ко-

роткіе отвѣты. Послѣ этого нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.— „Ты отрекся отъ патріаршества,— снова заговорили патріархи,— и говорилъ, что будешь анаѳема, если станешь снова патріархомъ.“ — „Я такъ никогда не говорилъ, — съ твердостію отвѣчалъ Никонъ,—а говорилъ лишь, что за недостоинство свое иду; а если бы я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собой святительской одежды“.

Заговорилъ царь: „Онъ написалъ на меня многія безчестія и укоризны въ письмѣ къ Цареградскому патріарху“. Сказавъ это, царь велѣлъ прочесть перехваченное письмо Никона къ Константинопольскому патріарху.

Письмо это послужило нитью для цѣлаго допроса и способствовало гибели Никона. На вопросы Никонъ — или отпирался, или ничего не отвѣчалъ.

Соборъ собирался до трехъ разъ. На второмъ соборѣ, между многими прочими обвиненіями, патріархи спросили Никона: „Признаешь ли ты нашъ соборъ, или нѣтъ“. Никонъ отвѣчалъ: „Широки вы тутъ. Скажетъ

лл вамъ спасибо іерусалимскій патріархъ? Какъ-то вы передъ нимъ отвѣтъ дадите". Тутъ всѣ закричали на него: „Какъ ты смѣешь безчестить патріарховъ?" Никонъ замолчалъ. Дѣльнаго, однакожъ, противъ Никона ничего не было сказать. Особенно мало и плохо говорили бояре, и царь за то гнѣвался на нихъ.

Въ третій разъ, 12-го декабря 1666 года, соборъ собрался уже не въ царскихъ палатахъ, а въ небольшой церкви Благовѣщенія, въ Чудовомъ монастырѣ. Царя и многихъ бояръ на этомъ соборѣ не было. Были только патріархи, три боярина и духовенство. Не хотѣлъ быть на этомъ засѣданіи и Симонъ, архіепископъ вологодскій, который очень любилъ Никона; онъ притворился больнымъ, но его привезли, внесли на коврѣ въ церьковъ и положили въ углу. Послали за Никономъ. Никонъ вошелъ, помолился иконамъ, поклонился патріархамъ дважды въ поясъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей. Сначала приговоръ былъ прочитанъ Никону по-гречески, потомъ по-русски Никона обвиняли въ томъ, что онъ самовольно оставилъ патріаршество и церьковь оттого бѣд-

ствовала; двухъ архіереевъ ругалъ — одного Анною, другого Каіаѳою, а одного архіерея разстригъ безъ собора; ругалъ двухъ бояръ— одного Иродомъ, другого Пилатомъ; на соборъ патріарховъ пришелъ не смиренно, и имъ, патріархамъ, уваженія не дѣлалъ; досаждалъ царю; монаховъ и бѣльцовъ бивалъ за преступленіе и сѣкъ и на пыткѣ жегъ; не допускалъ избранія новаго патріарха. Въ вину поставлено было даже и то, что онъ свой Воскресенскій монастырь назвалъ Новымъ Іерусалимомъ и разныя мѣста въ немъ Голгоѳою, Виѳлеемомъ, Іорданомъ, „какъ бы глумясь надъ священными названіями, а себя хищнически величалъ патріархомъ Новаго Іерусалима". Главнымъ же образомъ ему поставили въ вину то, что 1) онъ произносилъ хулы: на государя въ письмѣ къ Константинопольскому патріарху, называя его мучителемъ неправеднымъ; 2) на всю русскую церковь,—говоря, будто она впала въ латинскіе догматы; а въ особенности на Гозскаго митрополита Паисія; 3) осуждалъ патріарховъ, говоря, что они не имѣютъ престоловъ и ихъ патріаршія разсужденія называлъ баснями и враками, и 4) отвергалъ даже номоканонъ и правила соборовъ, называя ихъ еретиче-

скими, потому лишь, что они напечатаны въ западныхъ странахъ.—Послѣ этого перечисленія преступленій Никона, патріархи встали и объявили Никону, что они, „на основаніи каноновъ св. Апостоловъ и св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, совершенно низвергли его отъ архіерейскаго сана и лишили священства, да вмѣняется и именуется онъ отнынѣ простымъ монахомъ Никономъ, а не патріархомъ московскимъ, и опредѣлили назначить ему мѣстопребываніе, до конца его жизни, въ какой-либо древней обители, чтобы онъ тамъ могъ въ совершенномъ безмолвіи оплакивать грѣхи свои".

„Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить!"—воскликнулъ Никонъ. Затѣмъ онъ рѣзко отнесся къ ихъ суду, обозвалъ ихъ султанскими невольниками и бродягами. А когда патріархи сняли съ него патріаршій клобукъ и панагію, онъ съ горькою усмѣшкою замѣтилъ: „Возьмите это себѣ, раздѣлите жемчугъ между собою: достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, сгодится вамъ на пропитаніе на нѣкоторое время. Вы бродяги, турецкіе невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтобы было чѣмъ дань

заплатить султану! Возьмите, — продолжалъ Никонъ, — и мою мантію, если желаете!“ — „Слѣдовало бы, — отвѣчали ему, — снять и мантію, но по сильному ходатайству великаго государя, дозволяемъ тебѣ носить ее, пока не прибудешь въ назначенную тебѣ для жительства обитель.“ А назначенная обитель была Ѳерапонтова, въ Бѣлозерскихъ предѣлахъ.

Когда Никона вывели, то, садясь въ сани, онъ громко произнесъ: „Никонъ! Никонъ! все это тебѣ сталось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивалъ дорогія трапезы, да вечерялъ съ ними, то этого бы тебѣ не случилось!“

Никона поѣхали провожать по наряду два архимандрита, Павелъ и Сергій, и много стрѣльцовъ. Сергій съ злорадствомъ тѣшился паденіемъ патріарха. „Молчи, молчи, Никонъ!“ кричалъ онъ ему. — Никона привезли на земскій дворъ, гдѣ онъ и ночевалъ, оскорбляемый и унижаемый Сергіемъ и его приспѣшниками. На другой день царь прислалъ къ Никону Родіона Стрѣшнева съ запасомъ денегъ и разныхъ мѣховъ и одеждъ. „Возврати все это пославшему тебя, и скажи, что Ни-

конъ ничего не требуетъ!“ — сказалъ Никонъ. Стрѣшневъ заявилъ, что царь проситъ прощенія и благословенія себѣ и всему своему семейству. Никонъ благословенія не далъ. „Если бы благовѣрный царь желалъ отъ насъ благословенія, — былъ отвѣтъ Никона, — онъ бы не явилъ намъ такой немилости. А теперь будемъ ждать суда Божія“. — Когда народъ узналъ, что Никона повезутъ въ монастырь, сталъ собираться въ Кремль, но уже было поздно. Какъ тайкомъ отъ народа совершали надъ Никономъ обрядъ низложенія, также тайкомъ и отправили его въ заточеніе.

ГЛАВА V.

Никонъ—изгнанникъ. — Смерть Никона.

Въ отдаленную Ѳерапонтовскую обитель, на Бѣломъ озерѣ, Никона везли съ величайшею поспѣшностію, такъ-что онъ 21-го декабря на разсвѣтѣ былъ уже тамъ. Остановки на пути были рѣдкія и короткія, людныхъ селъ и монастырей избѣгали. Поспѣшность въ пути была такъ велика, что Никонъ нѣсколько разъ чуть не былъ разбитъ. Въ обители Никона встрѣтилъ одинъ игуменъ, который и отвелъ ему для помѣщенія двѣ больничныя душныя и закоптѣлыя келліи, окна которыхъ черезъ нѣсколько дней, по приказанію царскаго пристава, всѣ были наглухо заколочены желѣзными рѣшетками. У дверей была поставлена стража. Отъ Никона были отняты архіерейская мантія и посохъ. Къ нему былъ приставъ-

ленъ постоянный стражъ-приставъ и еще блюститель— архимандритъ Іосифъ.—Въ Москвѣ, между тѣмъ, съ наступленіемъ 1667 года, стали продолжаться засѣданія большого Московскаго собора, на которомъ, прежде всего, избрали новаго патріарха—настоятеля Троице-Сергіевской Лавры Іоасафа. На этомъ же соборѣ повторили осужденіе Никона, нѣкоторыхъ его распоряженій и дѣйствій; но великое дѣло, представлявшее вѣнецъ всей дѣятельности Никона, — исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ - было соборомъ вполнѣ одобрено и утверждено, а упорные раскольники подверглись ссылкамъ и жестокимъ наказаніямъ.

Въ заточеніи Никона держали весьма крѣпко, но потомъ онъ жилъ почти на свободѣ, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ послалъ царю Алексѣю Михайловичу свое благословеніе. Обаяніе низложеннаго патріарха и въ его униженіи все еще было такъ велико, что многіе продолжали почитать его, какъ патріарха. Къ нему пріѣзжали и приходили люди изъ разныхъ мѣстъ, величали его патріархомъ, и самъ онъ такъ себя называлъ. Даже Ѳерапонтовскій игуменъ сталъ цѣловать

у него руку и поминать на ектеніяхъ. Но Никонъ скучалъ, и отъ нечего дѣлать заводилъ препирательства съ монахами и жаловался на нихъ царю, но дѣлалъ и доброе дѣло: выписывалъ изъ Москвы лѣкарства и лѣчилъ больныхъ. Царь началъ съ нимъ переписываться, называя его въ письмахъ „святымъ и великимъ отцемъ“. Однакожъ, просьбы Никона о переводѣ его въ Иверскій, или Воскресенскій монастырь не исполнялъ; но за то жизнь Никона измѣнилась много къ лучшему. По случаю второго своего брака съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, царь прислалъ Никону денегъ 700 рублей, много дорогихъ мѣховъ и тонкаго полотна. Никонъ принималъ отъ царя содержаніе, подарки и завелъ собственное хозяйство. Но старость брала свое: онъ замѣтно слабѣлъ тѣломъ и прежній свѣтлый умъ его, не имѣя пищи, сталъ нѣсколько упадать и расходоваться на пустяки. Кромѣ ссоръ съ монахами, онъ, живя почти въ изобиліи, сталъ жаловаться на бѣдность и безпрестанно просилъ у царя—то присылки новыхъ шубъ, то гостинцевъ, то жаловался, что рыбы свѣжей мало ему идетъ и т. д. Царь терпѣливо удовлетворялъ его просьбы.

Во все это время три патріарха сряду смѣ-

нились предъ глазами царя: Іоасафа замѣнилъ Питиримъ, Питирима — Іоакимъ. Послѣдній былъ заклятымъ врагомъ Никона, хотя и выведенъ былъ имъ въ люди. Царь уже было хотѣлъ перевести Никона въ Воскресенскій монастырь, но подъ вліяніемъ Іоакима и другихъ враговъ изгнаннаго патріарха, не рѣшился на это.

Въ 1676 году царь Алексѣй Михайловичъ неожиданно скончался. Престолъ занялъ 14-ти лѣтній сынъ его, Ѳеодоръ. Ѳеодоръ тотчасъ же послалъ къ Никону извѣщеніе о смерти отца съ просьбою разрѣшенія покойному царю на бумагѣ. „Богъ да проститъ покойнаго!“ сказалъ Никонъ; но письменнаго разрѣшенія не далъ. Это послужило во вредъ Никону. Отказъ его дать письменное разрѣшеніе покойному царю огорчилъ молодого царя и подалъ врагамъ Никона орудіе, чтобы сдѣлать положеніе его худшимъ. На Никона посыпались самые нелѣпые доносы; имъ вѣрили на слово, безъ разслѣдованія, и Никона, яко бы для исправленія, перевели въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь подъ строгій надзоръ двухъ старцевъ, которые должны были постоянно жить съ нимъ въ кельи и никого къ нему не

пускать. Тутъ протомился Никонъ около трехъ лѣтъ всѣми забытый, утѣсняемый, больной. Узнавъ о такомъ положеніи Никона, родная тетка царя, Татьяна Михайловна, стала просить у царя за изгнанника, познакомивъ его съ исторіею паденія Никона. Сталъ хлопотать за Никона и учитель царя Симеонъ Полоцкій. Царь облегчилъ положеніе Никона и не велѣлъ стѣснять его ни въ чемъ.

Въ концѣ 1680 года царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ посѣтилъ недоступный Воскресенскій монастырь, восхищался имъ и выразилъ желаніе, чтобы эти постройки были Никономъ же и довершены при жизни его. Узнавъ объ этомъ, монахи монастыря подали челобитную, умоляя возвратить имъ Никона. Царь согласился. Но возсталъ противъ этого патріархъ Іоакимъ. Царь созвалъ соборъ; но и соборъ, руководимый Іоакимомъ, не исполнилъ желанія царя. Тѣмъ временемъ Никонъ, изнемогающій, почти умирающій послалъ письмо къ братіи Воскресенскаго монастыря и просилъ еще разъ побить челомъ о немъ государю. Монахи подали это письмо царю Ѳеодору, царь показалъ письмо патріарху и другимъ архіереямъ, прося ихъ сжалиться надъ умирающимъ стра-

дальцемъ. На этотъ разъ патріархъ и соборъ благословили царя возвратить Никона изъ заточенія. Немедленно царь послалъ дьяка Чепелева перевести Никона „живого, или мертваго въ Воскресенскій монастырь.“ Это было въ 1681 году.

Еще до пріѣзда царскаго посланца, Никонъ сталъ собираться въ путь. Находившіеся при немъ монахи говорили: „Это онъ дѣлаетъ въ безпамятствѣ“. За часъ до пріѣзда Чепелева, Никонъ всталъ, одѣлся и сказалъ монахамъ: „Я готовъ; что же вы не собираетесь? Сейчасъ за нами будутъ“. Дѣйствительно вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ Чепелевъ. До рѣки Шексны Никона съ большимъ трудомъ провезли на саняхъ, а по Шекснѣ—на стругѣ, гдѣ было для больного старца устроено переносное ложе. Когда доѣхали до Волги, Никонъ велѣлъ везти себя внизъ по рѣкѣ до Ярославля. Вездѣ по берегу стекался народъ, просилъ благословенія и приносилъ все необходимое Никону. Его сопровождали—дьякъ Чепелевъ, Кирилловскій архимандритъ Никита и нѣсколько иноковъ. 16-го августа утромъ путники достигли Толгскаго монастыря, близъ Ярославля. Здѣсь Никонъ почувствовалъ себя такъ дурно, что

пріобщился Св. Таинъ и приготовился къ смерти. Однако же, онъ готовился продолжать путь и переплыть на другую сторону Волги къ Ярославлю. Изъ Толгскаго монастыря вышли къ Никому на встрѣчу монахи. Одинъ изъ нихъ бросился къ нему въ ноги и сказалъ: „Прости меня, святый отче!“ Никонъ поглядѣлъ на него и узналъ Сергія, который все кричалъ ему: „Молчать, Никонъ!“, когда онъ ѣхалъ съ послѣдняго собора на земскій дворъ. Сергій былъ въ заточеніи. Никонъ простилъ его *). На другой день, 17-го августа, Никона повезли на другой берегъ рѣки. Сергій сопровождалъ его въ стругѣ. У берега рѣки Которосли, противъ Спасскаго монастыря, стругъ остановился. Собрались граждане, вошли въ воду и потащили стругъ по мелководной Которосли къ монастырю. Изъ мона-

---

*) Замѣчательна судьба нѣкоторыхъ изъ судей Никона. Антіохійскій и Александрійскій патріархи, оба, по возвращеніи своемъ на паству, были повѣшены султаномъ за то, что безъ его позволенія ѣздили въ Россію. Паисій Лигаридъ былъ изгнанъ изъ Россіи за многія злоупотребленія. Архіепископъ Іосифъ (стражъ Никона въ Ферапонтовой обители и судья на соборѣ), впослѣдствіи митрополитъ Астраханскій, мучительски убитъ казаками. Иларіонъ Рязанскій былъ судимъ и оставленъ отъ епархіи. Меѳодій умеръ подъ стражею въ Новоспасскомъ монастырѣ.

стыря, на встрѣчу Никону, вышло духовенство и Ярославскій воевода. Народъ со слезами подходилъ къ Никону, просилъ благословенія и цѣловалъ у него руки и ноги. Никонъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи и ничего уже не могъ говорить, онъ только протягивалъ руку и плакалъ. День склонялся къ вечеру. Стали звонить къ вечернѣ. Вдругъ Никонъ встрепенулся, немного ободрился, оглянулся вокругъ, и началъ оправлять волосы, бороду, одежду, какъ будто сбирался въ путь. Понявъ въ чемъ дѣло, архимадритъ Никита началъ читать отходную. Никонъ протянулся на постели, сложилъ крестообразно руки на груди, вздохнулъ, и тихо скончался. Это совершилось 17-го августа 1681 года. Никону было тогда 76 лѣтъ. Въ заточеніи онъ пробылъ 15 лѣтъ.

Гробъ съ тѣломъ Никона повезли въ Воскресенскій монастырь. Получивъ извѣстіе о смерти Никона, царь отправилъ къ патріарху приглашеніе ѣхать на погребеніе со всѣмъ священнымъ соборомъ. „Воля государева,— сказалъ Іоакимъ, — я на погребеніе поѣду, а именовать Никона патріархомъ не буду и назову его просто монахомъ. Такъ соборъ повелѣлъ“.—

„Я, — сказалъ царь, — все беру на себя и самъ буду просить вселенскихъ патріарховъ, чтобы дали разрѣшеніе и прощеніе покойному патріарху“. На погребеніе Іоакимъ все-таки не поѣхалъ, пославъ вмѣсто себя митрополита Корнилія.—Погребеніе Никона было совершено въ Воскресенскомъ монастырѣ. Стеченіе народа было громадное, поразительное. При отпѣваніи государь самъ читалъ каѳизмы и апостолъ. Прощаясь съ мертвымъ, царь взялъ руку Никона, поцѣловалъ ее и заплакалъ; ему послѣдовалъ весь дворъ, духовенство и народъ. Гробъ съ тѣломъ Никона внесли въ церковь Св. Іоанна Предтечи подъ Голгоѳою, гдѣ Никонъ заранѣе ископалъ себѣ могилу. Склепъ этотъ не болѣе трехъ аршинъ.

По грамотѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, четыре вселенскіе патріарха вскорѣ прислали разрѣшительныя грамоты, за своими подписями и печатями, въ которыхъ разрѣшали Никона ото всего, въ чемъ онъ былъ связанъ ихъ предшественниками и пріобщили его къ лику всероссійскихъ патріарховъ; при этомъ патріархи заявляли, что Никонъ осужденъ неправильно и называли его „столпомъ благочестія непоколебимымъ и божественныхъ и священ-

ныхъ канонъ оберегателемъ присно-искуснѣйшимъ, и отеческихъ догматовъ и повелѣній и преданій неизреченнымъ ревнителемъ и заступникомъ достойнѣйшимъ".

Такимъ образомъ, Никому возвращены по смерти тѣ почести и титулы, которые отняты были у него при жизни *).

Конецъ.

---

*) Воскресенскій монастырь, гдѣ погребенъ Никонъ находится въ 43 верстахъ отъ Москвы, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Истры. Построеніе его Никонъ началъ въ 1656 г. Онъ хотѣлъ, чтобъ это мѣсто напоминало Іерусалимъ. Осужденіе Никона помѣшало ему окончить храмъ. Впослѣдствіи храмъ этотъ обрушился, и только при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ возобновленъ и отстроенъ. Длина храма 50 саж., ширина 20, а кругомъ—173 саж. Окрестности Новаго Іерусалима Никонъ назвалъ палестинскими именами. Никонъ самъ работалъ надъ постройкой храма.

Оглавленіе.

Стр

ГЛАВА I. Дѣтство Никона.—Юность.—Никонъ священникъ и отшельникъ.—Никонъ митрополитъ.—Избраніе Никона на патріаршій престолъ. 5

ГЛАВА II. Никонъ-патріархъ.—Исправленіе церковно богослужебныхъ книгъ.—Оставленіе Никономъ патріаршества. 13

ГЛАВА III. Жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ.—Пріѣздъ Никона въ Москву. 26

ГЛАВА IV. Судъ надъ Никономъ.—Ссылка его въ Ѳерапонтовскую обитель. 34

ГЛАВА V. Никонъ—изгнанникъ.—Смерть Никона. . 43